

Iwanycza, do przebudzenia, zmartwychwstania duchowego, tak że gorąco pragnie on wrócić do domu, opowiedzieć wszystkim o swojej „nowej wierze” i „uratować przed zatraceniem” choćby jednego człowieka, i przeżyć bez cierpień choćby jeden dzień, bo „już wiedział, jak żyć i jak wierzyć w Boga”. Utwór ten z jakichś powodów znalazł się jednak poza polem badawczym Autorki omawianej książki.

Wanda Laszczak
Uniwersytet Opolski

Beata Wegnerska, *Prawosławie rosyjskie w kontekście prozy emigranta I fali uchodźstwa rosyjskiego Borysa Zajcewa*, Toruń: Wydawnictwo Europejskie Centrum Edukacyjne 2009, s. 230.

Творческое наследие Бориса Зайцева, одного из видных представителей эмиграции I волны, с каждым годом привлекает всё более пристальное внимание исследовательских кругов, как в России, так и за ее пределами. Научные труды, посвященные жизни и творчеству Зайцева, свидетельствуют о широком масштабе исследовательских проблем, однако их количество отнюдь не свидетельствует об исчерпанности данного круга исследований¹. Весьма актуальной задачей является оценка литературы русского зарубежья с точки зрения религиозных ценностей, в частности, христианской этики и связанного с ним выявления в творчестве эмигрантов способов и средств художественного выражения религиозных убеждений. Известно, что именно во время послереволюционной эмиграции произошёл беспрецедентный религиозный подъем в среде русской интеллигенции, который значительным образом проявился не столько в их социально-общественной жизни, сколько в творческой направленности. Духовные поиски были

---

¹ Н. П а к, *Древнерусская культура в художественном мире Б. К. Зайцева*, Калуга 2003; С. С о м о в а, *Поэтика Бориса Зайцева*, Самара 2008; О. М е р ц а л о в а, *Художественная объективизация цветового восприятия в произведениях И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева 1920-1930-х гг.*, Орел 2007; М. Б е р с е н е в а, *Художественные тексты Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева: формирование социокультурной компетенции инофонов*, Москва: Монография, 2008; М. S i d o r, *Rosja i jej duchowość. Proza „pierwszej fali” emigracji rosyjskiej*, Lublin 2009; М. М а т е с к а, *Impresjonizm we wczesnej prozie Iwana Bunina i Borysa Zajcewa*, Lublin 1996; А. Л ю б о м у д р о в, *Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Б. К. Зайцев и И. С. Шмелев*, С.-Петербург 2003.

отмечены у писателей ранее абсолютно равнодушных к церкви и религиозным вопросам. Одним из них является Борис Зайцев, религиозному творчеству которого посвящен новый исследовательский труд, монография Беаты Вегнерской – *Prawosławie rosyjskie w kontekście prozy emigranta I fali uchodźstwa rosyjskiego Borysa Zajcewa*. Предметом исследований явился вопрос русского православия в творческом наследии Б. Зайцева, который, несмотря на наличие ряда исследовательских работ, все еще не потерял своей актуальности.

В рецензируемой монографии ее автор делает глубинный анализ идеи „Святой Руси”, рассматривая его в политическом, географическом и религиозном аспектах. Главные духовные ценности „Святой Руси” исследовательница усматривает в православной этике, иконографии, архитектурных памятниках и религиозности русского народа. Категорию праведничества и праведников Вегнерская трактует в плоскости нравственной чистоты, отраженной в русской православной этике, а не в плане русской агиографической типологии. В житиях Зайцева Беата Вегнерская обращает внимание на литературные и исторические аспекты, экспонируя главные цели обращения Зайцева к агиографическому жанру. Автор сосредоточился на духовном портрете Сергия, выделяя черты, определяющие его тип святости. В новелле *Алексей Божий человек* исследовательница концентрирует свое внимание, прежде всего, на сложности жития святого, его стремлении к святости. В анализе паломнических хождений *Афон и Валаам* Вегнерская анализирует древнерусский жанр – хождение, и учитывая особенности его развития в XV-XIX веках, рассматривает книги-хождения Зайцева. В аспекте автобиографической прозы исследовательница анализирует тетралогию *Путешествие Глеба*, романы *Жизнь Тургенева, Чехов и Жуковский*, выделяя в произведениях тенденции, свойственные данному литературному жанру.

Монография представляет собой значительный научный труд, который в дальнейшем будет способствовать развитию научных и исследовательских работ, посвященных проблеме русского православия. Безусловная ценность настоящей работы обусловлена тщательным и полномасштабным анализом религиозного наследия писателя-эмигранта. Монография Беаты Вегнерской, как по охвату теоретического материала, так и по источниковедческой базе, глубине затронутых вопросов является основательным литературоведческим трудом. Теоретический инструментарий работы позволяет ее автору рассматривать произведения прозаика адекватно к выбранному ракурсу.

Монография состоит из введения, шести глав и заключительной части: I. „Prawosławie rosyjskie a historyczno-kulturowe uwarunkowanie koncepcji *Świętej Rusi*”; II. „Prawiedniczestwo w rosyjskim prawosławiu”; III. „Hagiograficzna proza Borysa Zajcewa w kontekście rosyjskiego żywotopisarstwa świętych”; IV. „Athos jako personalistyczny aspekt zajcewowskich poszukiwań *Świętej Rusi* w prawosławiu rosyjskim”; V. „Tetralogia *Podróż Gleba* jako religijne narodziny pisarza”; VI. „Realizm duchowy w kontekście autobiograficznej prozy Borysa Zajcewa”.

В первой главе исследовательница, исходя из понятия святость, осуществляет попытку осмысления русского православия. Феномен святости автор монографии

определяет сквозь призму философско-религиозной мысли, в частности Рудольфа Отто, Мирча Элиаде и др. Исследовательница показывает разницу между пониманием святости в католицизме и православии (с. 14). Святость Руси – это черта русского народа, утверждает Вегнерская, для Зайцева же – составной элемент православия. Согласно исследовательнице, идея „Святой Руси” не только связана с религиозным началом, но также содержит географические и политические коннотации. Духовные ценности „Святой Руси” проявляются, прежде всего, в русской иконографии, отмечает автор книги, церковной архитектуре, православной этике, а также таких чертах русского народа как религиозность, смирение и способность к покаянию. Фундаментом „Святой Руси”, отмечает исследовательница, были ее святые – страстотерпцы, преподобные, праведные и другие типы святых. Первыми русскими канонизированными святыми были князья Борис и Глеб, которые не были *sensu stricte* религиозными мучениками, как отмечает Б. Вегнерская, скорее жертвами политических интриг. На примере Федора Печерского автор монографии показывает преподобие как тип святости, экспонируя такие черты как любовь к бедным и бедность, смирение, милосердие, аскетизм и физический труд. Святой Феодор явился образцом искреннего преподобия, пишет автор книги, оставаясь духовным отцом и символом „Святой Руси”.

С понятием „Святой Руси” связано имя другого святого – Авраамия Смоленского, отмечает польская исследовательница. Духовная культура и деятельность святого имели огромное влияние на развитие духовно-религиозного расцвета Смоленска на рубеже XII-XIII веков. После его смерти практически до начала XIV века на Руси не было святых, поэтому рождение Сергия Радонежского связано с совершенствованием „Святой Руси”, отмечает Вегнерская. С его именем связано не только духовно-религиозное развитие, но также политическое и историческое возрождение Руси. Эпоху, в которой жил Сергий, историки считают самой существенной не только в развитии русской святости, но также в развитии духовенства и духовных центров на Руси. Вегнерская приходит к закономерному выводу о том, что феномен Сергия оставил в тени святых Бориса и Глеба, Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского. Именно Сергий, как никто другой, оценил одиночество, побег от мира, как идеальную возможность сблизиться с Богом. Физический труд позволял святому закалять силу духа, он учился бороться со страхом и одиночеством. Еще при жизни была ему открыта дата его кончины. Русскую святость XV века замыкает Нил Сорский, названный великим старцем. Автор книги отмечает, что Сорский относится к числу тех, кто оставил после себя написанные тексты – опубликовал монастырский устав, отсюда определение „святой интеллигент”. В достижении святости он делал акцент на внутренний источник духовной жизни, был проповедником крайней бедности, которую считал идеалом церковной жизни, констатирует Вегнерская.

Во второй главе исследовательница сосредоточилась на раскрытии праведничества и его места в Православии. В проделанном анализе, автор монографии очень удачно, на наш взгляд, сумела раскрыть не только суть этого подвига, но также показать литературных героев, к которым по праву принадлежит это

определение. Вегнерская затрагивает проблему, связанную с существованием двух терминов в польском языке, определяющих данный тип святости – *świętobliwy mąż i nawrócony grzesznik*. Автор приходит к выводу, что первый термин, несмотря на свое широкое распространение в агиографической литературе, не является образцовой моделью святости, в то время как *nawrócony grzesznik* был носителем христианских добродетелей и примером постоянства в вере, поэтому именно он ассоциируется с праведником (с. 41-42). Праведник является образцом смирения, милосердия и любви к ближнему, однако, служит Богу не в качестве священнослужителя, а обычного мирского человека, пишет исследовательница. Уместно добавить, что Иоанн Кронштадтский является в данном случае исключением из приведенного правила, поскольку канонизированный как праведник являлся все же служителем алтаря. Автор книги, рассматривая феномен преподобнической святости, ссылается на Евангелие, труды религиозного и философского содержания, ряд соответствующих словарей. Все эти источники позволяют Вегнерской уловить главные отличительные черты данного типа святости. На этом основании исследовательница переходит к проблеме праведничества и образу праведника в литературе. Проведенный анализ позволил автору монографии прийти к устоявшемуся уже в исследовательских кругах выводу, что, несмотря на интерес к проблематике праведничества в XIX веке в произведениях декабристов: А. Бестужева, А. Пушкина, Н. Гоголя и др., родоначальником понятия праведничества в русской литературе необходимо все же считать Николая Лескова, создателя целой галереи образов праведников.

В раскрытом исследовательницей ключе праведничества в монографии были проанализированы произведения Зайцева – *Аграфена, Царь Давид, Маша, Правитель*. Вегнерская констатирует, что принадлежность героев к грешному миру отнюдь не перечеркивает возможности быть праведниками. Все они проходят через боль, страдание и моральное поражение, их объединяет также поиск Истины. Страдание, мерой которого является крест Спасителя, отмечает Вегнерская, открывает для Зайцева смысл человеческого существования, которое не только формирует человека, помогает ему обрести правду, но также и внутреннюю свободу.

В третьей главе исследовательница анализирует агиографическую прозу Бориса Зайцева. Автор книги рассматривает житие святых как агиографический жанр, показывая поэтапное развитие агиографической литературы (с. 65-67). Литературная критика проявила интерес к агиографической литературе уже в XIX веке, отмечается в монографии, в этот период выходит ряд трудов, внесших особый вклад в область агиографических исследований. Тем не менее, полномасштабный поиск утраченных ценностей стал возможен лишь в эмиграции. Вегнерская вслед за большинством исследователей объясняет литературное тяготение к религиозно-церковной сфере кризисом русского православия, способствующим появлению в литературе, живописи и вообще искусстве целой гаммы стилизаций почерпнутых из художественной старорусской сокровищницы.

Раскрытие архетипичности характера русского народа происходило путем детального изучения старорусской литературы и иконографии.

Нельзя не согласиться с удачным утверждением автора о том, что произведения Зайцева носят двуаспектный характер сродни старорусским житиям. Вегнерская выделяет два важных элемента, присутствующих как в старорусских житиях, так и в нежитиях Зайцева: литературный и исторический. Исследовательница приходит к выводу, что зайцевские агиографические произведения не являются типичными житиями, их скорее можно отнести к агиографическим рассказам (с. 71).

Анализируя зайцевское житие *Преподобного Сергия Радонежского*, Вегнерская констатирует сходство данного произведения в плане содержания и композиции с первоисточником – текстами Епифания. В то же время главное различие автор усматривает в текстуальной компактности текста Зайцева, стремящегося представить собственную версию жития преподобного с учетом художественных методов древнерусского жанра. На этом основании исследовательница делает вывод о нарушении Зайцевым жанровых рамок, проявляющемся, прежде всего, в активной позиции повествователя, обогащающего житие многочисленными комментариями, воспринимая себя как посредника «между Сергием, Епифанием и Никоном – и современным человеком»². В представленном образе Сергия автор монографии видит новаторский элемент, связанный с физиологическими обусловленностями, что в итоге приводит к десакрализации образа святого. Тяжело согласиться с мыслью автора монографии, постулирующей духовную несостоятельность Зайцева в области мистических откровений, а также недостаточность в исследовании им чудес святого. По этому поводу уместно отметить, что видения и другие откровения, переживаемые преподобным Сергием, конечно же, обуславливались высочайшим религиозным трудом и уровнем духовной жизни, однако, их нельзя рассматривать в категориях исключительно персональных достижений, а прежде всего, божественного дара. Святой апостол Иаков выразил эту мысль следующим образом: «всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, то Отца светов»³. Не случайно, аксиомой православного учения о спасении является рекомендация к постоянному смирению и неприписывание себе каких-либо достижений.

В произведении *Алексей Божий* человек автор монографии обращает внимание на его написание в русле средневековых биографических повествований, указывая на определенную содержательную разницу. Из житийной литературы Зайцев почерпнул главные биографические данные, пропустив важный с духовной точки зрения момент – бесплодность матери святого и чудесное зачатие ребенка, явившееся следствием глубокой веры его родителей. Это, однако, не мешает писа-

² А. Сваровская, *Житийные традиции в прозе Б.К. Зайцева*, в: *Проблемы литературных жанров*, под ред. Ф. Кануновой, Н. Киселева, Томск 1992, с. 115.

³ *Соборное послание Святого Апостола Иакова*, в: *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*, Миккели 1990, с. 169.

телю раскрыть сакральный смысл самой жизни Алексея, который как замечает Вегнерская, уже в отроческом возрасте проявляет склонность к подвижнической богоугодной жизни. Об этом свидетельствуют два главных религиозных атрибута: стремление к пребыванию в церковной обители и тяготение к молитве. В отличие от традиционного жития, в своем произведении Зайцев вводит новые мотивы, в частности, любовь к жене Евлалии и образ философа учителя Хариакиса.

Предметом исследований четвертой главы стали книги-паломничества Зайцева *Афон и Валаам*. Книги прозаика относятся к жанру „хождений”, правильно отмечает исследовательница, в свое время пользовавшиеся популярностью на Руси (*Хождение игумена Даниила, Хождения за три моря* Афанасия Никитина). Автор монографии делает обзор хождения, как древнерусского жанра, показывая его историческое развитие и изменение в рамках художественного текста. Исследовательница делает также попытку анализа книг Зайцева в ключе древнерусских хождений, удачно экспонируя черты, свойственные этому жанру. Вегнерская обращает внимание на новые элементы, обогащающие композицию произведения Зайцева, но отсутствующие в древнерусской форме жанра. В анализе книг-паломничеств исследовательница подчеркивает значимость писем Зайцева, написанных им своим близким. Именно они, подчеркивает Вегнерская, демонстрируют внутреннее богатство, доброту и скромность эмигранта, неустанно ищущего истину. Автор монографии считает, что чувства и переживания Зайцева сродни чувствам и созерцанию Константина Леонтьева, побывавшего на Афоне после глубокого духовного кризиса. Главным в паломничествах писателя-эмигранта является не столько хронология и топография, сколько сам повествователь, его воля, сердце и разум (с. 125).

Тетралогия *Путешествие Глеба* в автобиографическом ракурсе стала предметом исследований пятой главы – *Tetralogia „Podróż Gleba” jako religijne narodziny pisarza*. Автор монографии делает обзор жанра автобиографии, приводя утверждения по этому поводу литературоведов. На этом основании, она приходит к выводу, что зайцевское произведение представляет собой нечто большее, чем автобиография. Прозаик не только показывает хронологию жизни, но, прежде всего, преодоление переживаний, связанных с собственным существованием, а также неустанный поиск собственного предназначения и смысла бытия. В повествовании тетралогии, отмечает польская исследовательница, доминирует точка зрения взрослого человека, анализирующего свое прошлое (с. 137). Писание о себе, пишет Вегнерская, это пересмотр жизненного опыта, который кажется еще более достоверным, чем первичный, поскольку заключается в его осознании.

Особый интерес в монографии представляет анализ архетипов матери и отца, а также топос дома, играющих ключевую роль в произведениях автобиографического характера. Мать для Глеба ассоциировалась с равновесием, спокойствием и добротой, ее образ наделен главными атрибутами материнства, пишет Вегнерская, – любовью и терпением. Отец – это талантливый инженер, горячо любящий жизнь и людей. Семья в тетралогии представлена как центр духовного, интеллектуального и физического развития, как сокровищница традиций и обря-

дов, домашний очаг, строившийся на протяжении веков. Мотив пути связан с топосом дома и вписывается в мистериальную схему выхода и возвращения, поскольку ведет от дома к дому. Дорога в тетралогии, отмечает Вегнерская, является также метафорой судьбы. Во всех четырех романа автор монографии с надлежащей тщательностью экспонирует сакральные места и воцерковленные личности, обогащающие сакральное и временное пространство художественного текста и имеющие ключевое значение в духовном развитии главного героя.

Последняя, подытоживающая глава монографии посвящена вопросу духовного реализма и его определяющих факторов в автобиографической прозе Б. Зайцева. Вегнерская делает попытку определения отличительных черт нового явления в русской литературе – духовного реализма: теоцентрическая ориентация действительности (христианское понимание мира, иерархия бытия, христианская антропология); двухполюсное расхождение, характеризующее действительность аксиологической сферы: от полюса земных стремлений к полюсу небесных стремлений; духовность в художественном понимании, включающая в себя духовность человеческого мира и человека; позиционирование мира в вечной перспективе (с. 179).

Духовный реализм в прозе Зайцева, отмечает исследовательница, неразрывно связан с категорией памяти. Так, например, в *Тетралогии Глеба* наблюдается интерференция двух временных пластов, прошлого и настоящего, связанных с позицией повествователя. Понятие духовности, религиозности в творчестве Зайцева тесно связано с темой любви, отнюдь не телесной, а осознанной, вечной, понимание которой зачерпнуто у писателя в философии В. Соловьева. Добавим в связи с этим, что идея вечной любви у Зайцева сводилась к воссоединению трех начал: эроса, любви и дружбы. Только такие отношения между двумя людьми писатель считал полноценными и гармоничными. Любовь у Зайцева – это чувство, ведущее к предощущению вечного, вневременного; это сила, движимая жизнью и преодолевающая смерть.

Подводя итоги наших рассуждений нужно отметить, что представленные в монографии результаты исследования могут быть использованы для дальнейших изысканий по русской православной духовности в литературе. Анализ и интерпретация произведений могут послужить, в частности, для дальнейшего осмысления творчества Бориса Зайцева в религиозноведческом ракурсе.

Zoja Kuca
Zakład Lingwistyki Stosowanej UMCS